

Энн в Эвонлии

Глава 1. Разгневанный сосед

Погожим августовским днем на широком каменном пороге одного из домиков Авонлеи сидела высокая, стройная девушка шестнадцати с половиной лет с серьезными серыми глазами и волнистыми волосами, которые ее друзья называли каштановыми. Аня — а была это именно она — расположилась здесь с твердым намерением сделать грамматический разбор нескольких строк из Вергилия. Но августовский день, когда голубая дымка окутывает покрытые золотистой пшеницей холмы и легкий ветерок таинственно шепчет в тополях, а чуть волнуемый им пурпур маков вспыхивает ярким пламенем в дальнем уголке вишневого сада на темном фоне молодых елей, — такой августовский день больше подходит для грез, чем для занятий мертвыми языками. И вскоре Вергилий незаметно соскользнул на землю, Аня же, опустив подбородок на сцепленные руки и устремив глаза на чудесные пушистые облака, громоздившиеся огромной белой горой над самым домом мистера Харрисона, перенеслась в восхитительный далекий мир, где некая школьная учительница творила чудеса, вдохновляя юные умы и сердца возвышенными и благородными идеалами и стоя у истоков формирования личностей будущих государственных мужей.

Хотя, разумеется, если трезво взглянуть на, суровую действительность, — что, необходимо признать, Аня делала редко, если только ее к этому не вынуждали, — представлялось сомнительным, чтобы в авонлейской школе нашлось много учеников с задатками будущих знаменитостей, но ведь трудно предвидеть, что именно может произойти под благотворным влиянием хорошей учительницы. У Ани были весьма радужные представления о том, чего может добиться учительница, если только ей удастся найти правильный подход к своим ученикам.

В эту минуту перед ее внутренним взором разворачивалась восхитительная картина. Она видела себя сорок лет спустя в обществе некой знаменитой личности — чем именно была знаменита эта личность, Аня предпочла оставить в тумане, но надеялась, что это будет никак не меньше чем ректор университета или премьер-министр Канады. Этот всем известный и всеми уважаемый человек склонялся над морщинистой рукой своей бывшей учительницы и уверял ее, что это именно она впервые пробудила в его душе высокие стремления и что всем своим успехом в жизни он обязан тем качествам, которые она некогда привила ему в авонлейской школе...

Эти приятные видения рассеялись в результате весьма неприятного постороннего вмешательства. Сначала на тропинке показалась бегущая трусцой вполне безобидная на вид джерсейская телка, а спустя несколько секунд появился мистер Харрисон, если «появился» не будет слишком мягким определением его способа вторжения во двор.

Он перепрыгнул через изгородь, не тратя времени на возню с калиткой, и, разгневанный, предстал перед изумленной Аней, которая, вскочив на ноги, смотрела на него в некотором замешательстве. Мистер Харрисон лишь недавно стал их соседом справа, и Аня никогда не встречалась с ним прежде, хотя и видела его издали раз или два.

В начале апреля, когда Аня еще была в учительской семинарии, мистер Роберт Белл, чьи земли примыкали к землям Касбертов на западе, продал свою ферму и переехал в Шарлоттаун. О новом владельце было известно только то, что зовут его мистер Харрисон и что родом он из Нью-Брансуика. Но, не успев прожить и месяца в Авонлее, он приобрел репутацию чудаковатого человека, или "типа со странностями", как выражалась миссис Рейчел Линд. Миссис Рейчел всегда была очень откровенной особой, что, конечно же, помнят те из вас, кто уже успел с ней познакомиться. Действительно, мистер Харрисон был не похож на других людей, а это, как известно каждому, и есть главная отличительная черта "типов со странностями".

Так, прежде всего, он стал вести свое домашнее хозяйство сам и публично заявил, что не желает присутствия каких-либо "безмозглых баб" в своей «берлоге». Женское население Авонлеи мстило ему за это леденящими кровь рассказами о том, как он занимается хозяйством и готовит еду. Источником этих, сведений стал маленький Джон-Генри Картер из Уайт Сендс, которого мистер Харрисон нанял помогать на ферме.

Начать с того, что в доме мистера Харрисона не было никаких установленных часов для еды. Хозяин, проголодавшись, «перекусывал» на ходу, и если Джону-Генри случалось оказаться в этот момент поблизости, он получал свою порцию, иначе ему приходилось ждать, когда у мистера Харрисона будет очередной приступ голода. Джон-Генри со скорбным видом утверждал, что умер бы от недоедания, если бы не то обстоятельство, что каждое воскресенье он проводил дома и там мог подкрепить свои силы, а в понедельник утром мать давала ему с собой корзинку с «жратвой». Что же касается мытья посуды, то мистер Харрисон даже не предпринимал попыток заняться этим делом, пока не наступало дождливое воскресенье. Тогда он брался за работу с размахом: мыл сразу всю посуду в бочке с дождевой водой и потом оставлял обсыхать на воздухе.

К тому же мистер Харрисон был «скуповат». Когда ему предложили внести деньги на жалованье преподобному мистеру Аллану, он ответил, что не привык покупать kota в мешке и предпочитает подождать и посмотреть, на сколько долларов добра принесут ему молитвы мистера Аллана. А когда миссис Линд пришла, чтобы попросить его сделать пожертвование на миссионерскую деятельность — она также желала, пользуясь случаем, обозреть внутренность дома, — мистер Харрисон язвительно сказал ей, что, насколько он может судить, среди старых авонлейских сплетниц куда больше язычниц, чем в любом другом месте на свете, и что, если бы она взялась обратить их на путь истинный, он охотно пожертвовал бы на это деньги. Миссис Рейчел, возмущенная, удалилась и потом объясняла всем и каждому: какое счастье, что бедная миссис Белл уже покоится в могиле, иначе у нее разбилось бы сердце при виде того, в каком состоянии находится теперь ее дом, которым она так привыкла гордиться.

— Уж она-то мыла пол в кухне строго через день, а посмотрели бы вы на этот пол сейчас! — с негодованием говорила миссис Линд Марилле Касберт. — Мне пришлось приподнять юбку, когда я ступила на порог этого дома.

И в довершение зла, мистер Харрисон держал попугая по кличке Джинджер. Никогда прежде никто в Авонлее не держал попугаев, и вследствие этого подобное поведение едва ли могло рассматриваться как приличное. И с тому же, что это был за попугай! Если верить словам Джона-Генри, не было на свете второй такой нечестивой птицы. Ругалась она

ужасно! Миссис Картер уже давно забрала бы своего сыночка из дома мистера Харрисона, но ведь не так-то просто найти для мальчика другую работу. Однажды, когда бедный Джон Генри по неосторожности наклонился слишком близко от клетки Джинджера, последний так сильно ущипнул его сзади за шею, что оторвал кусочек кожи. Миссис Картер всем показывала этот шрам, когда несчастный ребенок возвращался домой на воскресенье.

Все это промелькнуло в голове у Ани, пока мистер Харрисон стоял перед ней, не в силах произнести ни слова из-за душившего его гнева. Даже находясь в самом дружеском расположении духа, мистер Харрисон не мог претендовать на звание «красавец-мужчина»: он был маленький, толстый и лысый. А теперь когда его круглое лицо побагровело от ярости, а пронзительные голубые глаза почти выскакивали из орбит, Ане показалось, что она в жизни не видела человека безобразнее.

Неожиданно мистер Харрисон обрел голос.

— Я не потерплю этого, — закричал он, захлебываясь от возбуждения, — ни одного дня больше! Слышите, мисс? Разрази меня гром, это уже третий раз, мисс... третий раз! Тут и святой потеряет терпение, мисс! Я предупреждал вашу тетку прошлый раз, чтобы такое больше не повторялось, а она опять это допустила... опять! О чем она, собственно, думает, вот что я желаю знать! Вот зачем я пришел, мисс!

— Может быть, вы объясните мне, что случилось? — сказала Аня с подчеркнутым достоинством. В последнее время она усердно осваивала эту манеру, чтобы иметь ее в рабочем состоянии к началу учебного года.

Но на пылающего гневом мистера Харрисона ее тон, по-видимому, не произвел надлежащего впечатления.

— Что случилось? А случилось, разрази меня гром, самое скверное!.. Случилось то, что я только что снова застал эту джерсейскую телку в моих овсах! Третий раз, заметь! Я застал ее там в прошлый вторник, и я застал ее там вчера. И я приходил сюда и предупреждал твою тетку, чтобы больше этого не было! А она... она снова допустила до этого! Где твоя тетка? Я просто хочу взглянуть ей в глаза и высказать ей мое мнение... мнение Джеймса Харрисона!

— Если вы имеете в виду мисс Мариллу Касберт, то она мне не тетя. В настоящее время она находится в Графтоне, куда уехала к своей дальней родственнице, которая тяжело больна, — сказала Аня с достоинством. — Я очень сожалею, что моя телка зашла в ваши овсы... Эта телка моя, а не мисс Касберт. Мэтью купил ее у мистера Белла три года назад, когда она еще была теленком, и подарил мне.

— Что проку сожалеть! Сожалением делу не поможешь! Лучше пойди да посмотри, что учинила эта скотина в моих овсах — вытоптала все вдоль и поперек!

— Я очень сожалею, — повторила Аня твердо, — но, возможно, если бы вы вовремя чинили вашу изгородь, Долли не смогла бы зайти на ваше поле. Это именно ваша часть изгороди отделяет ваши овсы от нашего пастбища, и на днях я заметила, что она нуждается в ремонте.

— Моя изгородь в полном порядке! — оборвал ее мистер Харрисон, в еще большем гневe из-за переноса военных действий на его собственную территорию. — Но даже тюремные

стены не удержат эту... не корову, а воплощение дьявола!.. А тебе, рыжая свиристелка, могу одно сказать: если корова твоя, как ты говоришь, так лучше бы ты пасла ее, чем рассиживать тут, читая романы в желтых обложках! — заявил он, устремив испепеляющий взгляд на невинного желтовато-коричневого Вергилия, лежавшего у Аниных ног.

Аня вспыхнула — волосы всегда были ее уязвимым местом.

— Я предпочитаю иметь рыжие волосы, чем не иметь их вообще... кроме пары прядок над ушами.

Удар попал в цель, ибо мистер Харрисон болезненно воспринимал любые намеки на его лысину. Гнев снова начал душить его, и он мог только безмолвно впитаться взором в Аню, которая, возвратив себе душевное равновесие, поспешила воспользоваться своим преимуществом.

— Я могу быть снисходительна к вам, мистер Харрисон, так как у меня есть воображение и мне нетрудно представить, как неприятно застать в своих овсах чужую корову. Я не питаю никаких враждебных чувств к вам, несмотря на все, что вы сказали. Я обещаю вам, что Долли никогда больше не зайдет в ваши овсы. Я даю вам честное слово!

— Ладно, смотри, чтобы этого больше не было, — буркнул в ответ мистер Харрисон, несколько сбавив тон. Но прочь он затопал все еще в гневе, и некоторое время издали доносилось его сердитое бормотание.

Огорченная и обеспокоенная, Аня проследовала через двор и заперла своевольную Долли в загоне, где обычно доили коров.

"Я думаю, она не сможет выбраться отсюда... разве только если свалит забор, — размышляла Аня. — Сейчас она ведет себя очень спокойно. Наверное, объелась этим овсом до отвращения... Жаль, что я не продала ее мистеру Ширеру на прошлой неделе, когда он предлагал мне за нее двадцать долларов. Но я думала, что лучше подождать аукциона и продать весь скот сразу. Теперь я верю, что мистер Харрисон действительно "тип со странностями". Уж в нем-то нет и намека на родство души".

Аня никогда не теряла бдительности в ожидании встреч с родственными душами.

В это время во двор въехал кабриолет — вернулась Марилла, и Аня поспешила в дом, чтобы накрыть на стол. За чаем они обсудили случившееся.

— Скорее бы распродать скот, — сказала Марилла. — Слишком большая ответственность — иметь столько скота, когда некому за ним приглядеть. А на Мартина совсем нельзя положиться. Он должен был вернуться с похорон своей тетки еще вчера вечером, но его нет до сих пор! А ведь обещал, что вернется вовремя, если я отпущу его на целый день. Прямо не знаю, сколько у него этих теток! Это уже четвертая умерла за тот год, что он у нас работает. Я вздохну с облегчением, когда урожай будет собран и нашей фермой займется мистер Барри. Нам придется держать Долли в загоне, пока не вернется Мартин, а тогда отправим ее на дальнее пастбище. Нужно будет починить там изгородь. Да, мир сей полон забот, как справедливо говорит Рейчел... Вот бедная Мэри Кейс при смерти, и? право, не знаю, что станет с ее двумя детьми. У нее, правда, есть брат в Британской Колумбии, и она послала ему письмо, но до сих пор нет ответа.

— А какие дети? Сколько им лет?

— Седьмой год пошел... близнецы.

— О, меня очень интересуют близнецы, с тех пор как у миссис Хаммонд было три пары! — оживленно воскликнула Аня. — Они хорошенькие?

— Ах, Боже мой, трудно сказать... Они были такие грязные. Дэви был во дворе, делал куличики из грязи, а Дора вышла позвать его к матери. И что ты думаешь? Он толкнул ее в самую грязь, а когда она заревела, сам залез туда же и начал валяться, чтобы доказать ей, что плакать не о чем. Мэри говорит, что Дора очень послушная девочка, но Дэви ужасный озорник. Впрочем, воспитывать-то его было некому. Отца он лишился еще в младенчестве, а Мэри почти все время болела.

— Мне очень жаль детей, которых некому воспитывать, — сказала Аня значительно. — Вы знаете, меня тоже никто не воспитывал, пока вы за меня не взялись. Надеюсь, их дядя займется ими... Мисс Кейс приходится вам близкой родственницей?

— Мэри? Она мне совсем не родственница. Это ее муж... Он был нашим троюродным братом... Взгляни-ка, миссис Линд идет через двор. Я думаю, она хочет узнать, что с Мэри.

— Не говорите ей о мистере Харрисоне и Долли, — взмолилась Аня.

Марилла пообещала; но обещание оказалось излишним, потому что не успела миссис Линд усесться поудобнее, как объявила:

— Я сегодня возвращалась из Кармоди и видела, как мистер Харрисон выгонял вашу Долли из своих овсов. Похоже, он порядком взбесился. Большой он тут шум поднял?

Аня и Марилла обменялись чуть заметными улыбками. Поистине, мало что в Авонлее могло ускользнуть от всевидящего ока миссис Линд. Не далее как утром того самого дня Аня сказала: "Если войдешь в свою собственную комнату в полночь, закроешь дверь на ключ, опустишь шторы и чихнешь, на следующий день миссис Линд спросит, как твой насморк!"

— Да, думаю, он тут пошумел, — кивнула Марилла. — Я ездила в Графтон, так что весь свой гнев он излил на Аню.

— Мне он показался очень неприятным человеком, — сказала Аня, обиженно вскинув свою рыжую голову.

— Вот именно, лучше не скажешь! — изрекла миссис Рейчел с торжественным видом. — Я с самого начала, как только Роберт Белл продал свой участок человеку из Нью-Брансуика, знала, что будут неприятности. Право, не знаю, до чего дойдет Авонлея, если чужие будут селиться здесь в таких огромных количествах. Скоро человек не сможет чувствовать себя в безопасности даже в собственной постели!

— А что, еще кто-то переезжает в Авонлею? — спросила Марилла.

— Разве вы не слышали? Во-первых, семейство Доннеллов. Они будут жить в старом доме Питера Слоана. Питер нанял этого Доннелла управлять мельницей. Они приехали откуда-то с востока, и никто ничего о них не знает... Потом, семья этого бедолаги Тимоти Коттона из Уайт Сендс. Они тоже перебираются сюда. Это будет изрядная обуза для нашей общины. У него чахотка, а чуть оправится — крадет... А жена его просто какое-то расслабленное

существо, не может ни за какое дело взяться как следует. Подумайте только, она моет посуду сидя!.. А еще — миссис Пай взяла на воспитание сироту, племянника своего мужа. Зовут его Энтони. Он будет ходить в твою школу, Аня, так что не жди легкой жизни. Так-то вот... И будет у тебя еще один ученик из чужих. Пол Ирвинг приезжает из Штатов и будет жить у своей бабушки. Помнишь его отца, Марилла? Стивен Ирвинг, который бросил свою невесту, Лаванду Льюис из Графтона?

— Я не думаю, что он ее бросил. Просто они поссорились. Я полагаю, тут оба были виноваты.

— Ну, так или иначе, а он на ней не женился, и, говорят, она с тех пор какая-то странная... Живет совсем одна в своем маленьком каменном домике, который называет Приютом Эха. А Стивен уехал в Штаты, вошел там компаньоном в дело своего дяди и женился на американке. Так с тех пор ни разу и не приезжал домой, хотя его мать, кажется, ездила повидать его. Его жена умерла два года назад, и вот он теперь прислал сынишку к своей матери. Мальчику девять лет, и не знаю, окажется ли он приятным учеником. Никогда не знаешь, чего ждать от этих янки.

Миссис Линд с суровым недоверием смотрела на всех людей, имевших несчастье родиться или воспитываться за пределами острова Принца Эдуарда. Конечно, они могли оказаться хорошими людьми, но безопаснее было брать это под сомнение. С особенным предубеждением относилась она к "этим янки". Дело в том, что однажды ее мужа, работавшего тогда в Бостоне, обманул на десять долларов хозяин-американец, и теперь никакие силы, ни земные, ни небесные, не смогли бы убедить миссис Рейчел, что Соединенные Штаты в целом не несут за это непосредственной ответственности.

— Несколько новичков авонлейской школе не повредят, — сказала Марилла сухо. — А если этот мальчик хоть в чем-то похож на своего отца, он окажется совсем неплох. Стив Ирвинг был самым милым мальчиком, какой когда-либо рос в наших краях, хотя некоторые и называли его гордецом. Миссис Ирвинг, я полагаю, будет рада этому ребенку. Она была очень одинока после смерти мужа.

— О, мальчик, может быть, и хорош, но он будет заметно отличаться от авонлейских детей, — сказала миссис Рейчел, как будто это окончательно решало дело. Суждения миссис Рейчел, касающиеся любого человека, места или события, были гарантированно прочны в носке. — А что это, Аня, я слышала, будто вы собираетесь основать какое-то общество с целью изменить к лучшему нашу деревню?

— Пока еще я только обсуждала этот вопрос с некоторыми девочками и мальчиками на последнем собрании дискуссионного клуба, — отвечала Аня, краснея. — Все согласны, что идея хорошая... Мистер и миссис Аллан того же мнения. Такие общества появились в последнее время во многих деревнях.

— Ну, не расхлебать вам будет кашу, которую заварите! Бросьте вы это дело, Аня, вот что я вам скажу! Люди не любят, чтобы их пытались изменить к лучшему.

— О, наше общество не будет пытаться изменить людей, речь идет о самой деревне. Много можно сделать, чтобы здесь стало лучше. Например, если бы нам удалось уговорить мистера Бултера снести этот ужасный, совсем развалившийся старый дом, который стоит на его лугах, разве это не оказалось бы заметным улучшением?

— Конечно оказалось бы, — признала миссис Рейчел. — Эта старая развалина уже много лет как бельмо на глазу у всей деревни. Но хотела бы я посмотреть, как это вам, «улучшателям», удастся уломать Леви Бултера, чтобы он бесплатно сделал что-то для блага общества! Не хочу обескураживать тебя, Аня... может быть, это и неплохая идея, хотя, я полагаю, ты выудила ее из какого-нибудь вздорного американского журнала. Но, подумай, у тебя и так будет хлопот полон рот с твоей школой, и я советую тебе как друг, не морочь себе голову этими «улучшениями», так-то... Но что тут говорить! Знаю, раз уж ты решила — не отступишь. Ты всегда умела добиться своей цели.

Что-то в решительных очертаниях Аниных губ говорило, что миссис Рейчел не заблуждалась, высказывая подобную оценку. Аня всей душой стремилась к созданию так называемого Общества Друзей Авонлеи. Гилберт Блайт, хотя ему и предстояло работать учителем в Уайт Сендс, собирался проводить дома, в Авонлее, каждую субботу и воскресенье и с энтузиазмом поддержал Анин проект. Что же до остальной авонлейской молодежи, то большая ее часть была готова принять участие в любом начинании, дававшем удобный предлог для встреч и, следовательно, некоторого «развлечения». Однако ясных представлений о том, какими должны быть «улучшения», не имел никто, кроме Гилберта и Ани. Эти двое разрабатывали и обсуждали свои планы до тех пор, пока — правда, только в их воображении — не возникла прекрасная, идеальная Авонлея.

Была у миссис Линд и еще одна новость.

— Попечительский совет школы в Кармоди взял на должность учительницы какую-то Присиллу Грант. Не твоя ли это подружка по учительской семинарии, Аня?

— Да, конечно! Чудесно! Присилла будет в Кармоди! — воскликнула Аня. Ее серые глаза зажглись словно вечерние звезды, заставив миссис Линд, неизвестно в который раз, задуматься, сможет ли она когда-нибудь разрешить к полному своему удовлетворению вопрос, красивая девочка Аня Ширли или нет.

Глава 2. Продажа "на скорую руку да на долгую муку"

На следующий день Аня отправилась за покупками в Кармоди и взяла с собой Диану Барри. Диана, разумеется, тоже была горячей сторонницей создания Общества Друзей Авонлеи, и всю дорогу девочки не говорили ни о чем другом, кроме как о предстоящих «улучшениях».

— Первое, что следует сделать, как только наше общество начнет действовать, это выкрасить клуб, — сказала Диана, когда они проезжали мимо авонлейского дискуссионного клуба — довольно запущенного на вид здания, стоявшего в лесной долине, где его со всех сторон обступили ели. — Сейчас он выглядит ужасно. Просто позор! И заняться этим мы должны даже прежде, чем попытаемся заставить мистера Бултера снести его старый дом. Папа говорит, что с Леви Бултером нам не договориться, потому что он слишком скуп, чтобы тратить время на работу, за которую ему не заплатят.

— Но может быть, он разрешит мальчикам разобрать эту его развалину, если они пообещают подтащить все оставшиеся доски к его сараю и наколоть их ему на растопку, — сказала Аня с надеждой. — Конечно, мы будем прилагать все усилия, но сначала нам

придется довольствоваться небольшими достижениями. Вряд ли мы можем ожидать, что изменим к лучшему все сразу. В первую очередь нам придется заняться формированием гражданского сознания населения.

Диана имела довольно смутное представление о том, что такое "формирование гражданского сознания", но это звучало внушительно, и она испытывала некоторую гордость при мысли о том, что собирается примкнуть к обществу, ставящему перед собой такую высокую цель.

— Знаешь, Аня, вчера вечером я подумала еще кое о чем, что мы могли бы сделать. Помнишь треугольный участок земли, где сходятся дороги из Кармоди, Ньюбриджа и Уайт Сендс? Он весь зарос молоденькими елочками. Не будет ли лучше расчистить этот участок и оставить только две или три березы?

— Замечательно, — согласилась Аня с радостью. — И поставить под березами деревянную скамью... А весной сделаем посередине клумбу и посадим герань.

— Да. Только придется придумать, как заставить старую миссис Слоан держать свою корову подальше от дороги, а то это прожорливое создание живо съест всю нашу герань, — засмеялась Диана. — Я, кажется, начинаю понимать, что означает "формирование гражданского сознания"!.. А вот и старый дом Бултера. Ты когда-нибудь видела другую такую развалюху? Да к тому же торчит прямо возле дороги. Такие старые дома без стекол в окнах всегда напоминают мне мертвеца с выклеванными глазами.

— Старый покинутый дом — такое печальное зрелище, — произнесла Аня задумчиво. — Мне всегда кажется, что он думает о былом и грустит о давно минувших радостях. Марилла говорит, что много лет назад в этом доме жила большая семья и тогда это было очень приятное место с чудесным садом и шпалерами роз. Там было полно детей, звучали смех и песни, а теперь он пуст, и только ветер гуляет в его стенах. Как этому дому, должно быть, одиноко и грустно! А может быть, в лунные ночи все они возвращаются сюда — души этих маленьких детей, и роз, и песен — и, пусть ненадолго, старый дом может увидеть во сне, что он снова молод и весел.

Диана покачала головой:

— Я теперь никогда ничего подобного не воображаю, Аня. Помнишь, как сердились и мама, и Марилла, когда мы вообразили привидения в Лесу Призраков? Я и по сей день в сумерки не могу без страха пройти по этой дороге. А если бы я начала воображать что-нибудь подобное о старом доме Бултеров, я боялась бы и мимо него проходить. Впрочем, эти дети вовсе не умерли. Все они выросли и живут неплохо... Один из них стал мясником. А у цветов и песен нет душ.

Аня подавила легкий вздох. Она горячо любила Диану, и они всегда были близкими подругами. Но Аня уже давно усвоила, что в царстве фантазии она должна путешествовать в одиночестве. Вела туда заколдованная дорога, по которой даже самые близкие Анины друзья не могли следовать за ней.

В Кармоди девочек застал ливень с грозой. Но, к счастью, он оказался недолгим, и поездка домой по влажным дорогам, мимо деревьев и кустов, осыпанных сверкающими каплями дождя, и через неглубокие долины, где пропитанные влагой травы наполняли воздух

пряным ароматом, была восхитительна. Но в ту минуту, когда они свернули на тропинку, ведущую к Зеленым Мезонинам, Аня увидела нечто такое, что мгновенно заставило ее забыть о красотах пейзажа.

Справа от тропинки тянулось широкое мокрое серо-зеленое поле поздних овсов мистера Харрисона, а прямо в центре, погрузившись холеными боками в буйную растительность и спокойно глядя на девочек поверх пышных метелок овса, стояла джерсейская телка!

Аня бросила вожжи и встала, сжав губы, что не сулило ничего хорошего четвероногой разбойнице, а затем, не проронив ни слова, проворно вылезла из кабриолета прямо через колеса и перепрыгнула через изгородь, прежде чем Диана поняла, что случилось.

— Аня, вернись! — пронзительно закричала она, как только к ней вернулся дар речи. — Ты испортишь все платье в мокрых овсах... испортишь! Она не слышит... А ведь одной ей ни за что не поймать эту корову. Ничего не поделаешь, придется пойти и помочь ей.

Аня врезалась в овсы как безумная. Диана торопливо выскочила из кабриолета, надежно привязала лошадь к столбу и, завернув на плечи подол своего хорошенького полотняного платья, перелезла через изгородь и последовала за своей неистовой подругой. Она могла бежать быстрее, чем Аня, которой мешала намокшая и липнувшая к ногам юбка, и вскоре догнала ее. За ними по полю тянулся широкий след, вид которого, без сомнения, разбил бы сердце мистера Харрисона.

— Аня, смилуйся, остановись, — пыхтела бедная Диана. — Я совсем выбилась из сил, а ты промокла насквозь.

— Я должна... выгнать... эту корову... пока... мистер Харрисон... ее не видел, — задыхаясь, с трудом вымолвила Аня. — Даже... если бы пришлось... утонуть... лишь бы... выгнать!

Но джерсейская телка, казалось, не видела никаких оснований для своего выдворения с этого великолепного пастбища. Стоило запыхавшимся девочкам подбежать к ней, как она повернулась и стрелой понеслась на противоположный край поля.

— Гони ее! — закричала Аня. — Беги, Диана, беги!

И Диана бежала; Аня тоже пыталась бежать, но противная телка словно одержимая — в глубине души Диана была уверена, что так оно и есть, — носилась по полю из конца в конец. Прошло добрых десять минут, прежде чем они смогли перерезать ей путь и выгнать ее через проход в изгороди на тропинку, принадлежавшую Касбертам.

Нельзя отрицать, что в эту минуту Аня была далеко не в ангельском расположении духа. И, разумеется, отнюдь не умиротворяюще подействовал на нее вид остановившейся на дороге двухместной коляски, в которой сидел мистер Ширер, скототорговец из Кармоди, со своим сыном; оба смотрели на нее, широко улыбаясь.

— Да-а... Думаю, Аня, тебе стоило продать мне эту корову, когда я предлагал тебе на прошлой неделе, — засмеялся мистер Ширер.

— Я продам ее вам сейчас, если хотите, — сказала раскрасневшаяся и растрепанная владелица. — Можете забрать ее сию же минуту.

— Идет. Я дам тебе двадцать долларов, как и предлагал, а Джим сразу же отведет ее в Кармоди, и она отправится в Шарлоттаун вместе со всей партией скота. Мистер Рид из Брайтона заказывал у меня джерсейскую телку.

Через пять минут Джим Ширер и джерсейская корова бодро маршировали по дороге в сторону Кармоди, а запальчивая Аня с двадцатью долларами в кармане ехала в своем кабриолете к Зеленым Мезонинам.

— Что скажет Марилла? — спросила Диана.

— О, ей все равно. Долли была моей коровой... Я не думаю, чтобы на распродаже я смогла бы получить за нее больше двадцати долларов. — Но, Боже мой, когда мистер Харрисон увидит свое поле, он сразу догадается, что она снова там хозяйничала. А ведь я дала ему честное слово, что это больше никогда не повторится. Пусть эта история послужит мне уроком! Нельзя давать честное слово, когда речь идет о коровах! Если корова способна перепрыгнуть через такую изгородь, как изгородь нашего загона, или проломить ее, то как можно за нее ручаться?

Марилла ходила проводить миссис Линд и по возвращении уже знала о продаже Долли и отправке ее в Кармоди, потому что миссис Линд наблюдала из окна за состоявшейся сделкой и легко догадалась об остальном.

— Пожалуй, хорошо, что мы от нее избавились, хотя ты, Аня, слишком уж опрометчиво принимаешь решения... Но я не могу понять, как ей удалось выбраться из загона. Она, должно быть, выломала несколько досок.

— Я совсем забыла посмотреть, — сказала Аня, — но сейчас схожу и взгляну. А Мартин все еще не вернулся. Наверное, у него умерло еще несколько теток. Это напоминает мне историю, которую я слышала на днях. Как-то раз вечером миссис Слоан читала газету и сказала мужу: "Послушай, Питер, здесь пишут, что умер еще один octogenarian.[1] Кто это такие?" А мистер Слоан ответил, что точно не знает, но должно быть, это какие-то ужасно хилые существа, потому что о них ничего не слышно кроме того, что они умирают. То же самое и с тетками Мартина.

— Мартин точно такой же, как все остальные французы, — отозвалась Марилла с раздражением. — На них ни на минуту нельзя положиться.

Марилла разглядывала привезенные Аней покупки, когда со скотного двора донесся пронзительный вопль. Через минуту в кухню, ломая руки, влетела Аня.

— Аня, что стряслось?

— О, Марилла, что мне делать? Какой ужас! И это все по моей собственной вине! О, когда же, наконец, я научусь останавливаться и хоть немного думать, прежде чем совершить очередное безрассудство? Миссис Линд всегда предвещала, что когда-нибудь я непременно сделаю что-нибудь ужасное, — и вот это случилось!

— Аня, да объясни ты толком! Что такое ты сделала?

— Продала джерсейскую корову мистера Харрисона! Ту, которую он купил у мистера Белла... Продала ее мистеру Ширеру! А Долли преспокойно стоит в загоне.

— Аня, ты бредишь?

— О, если бы я бредила! Но это не бред, хотя очень похоже на ночной кошмар. А корова мистера Харрисона сейчас уже в Шарлоттауне. О, Марилла, я надеялась, что все мои беды уже позади, но эта история похуже всех, в какие я попадала в своей жизни. Что же теперь делать?

— Что делать? Не остается ничего другого, детка, кроме как пойти и поговорить с мистером Харрисоном. Если он не захочет взять деньги, мы можем предложить ему нашу Долли. Она ничуть не хуже его коровы.

— О, я уверена, он рассвирепеет! — застонала Аня.

— Да уж, представляю. Он, кажется, очень вспыльчивый человек. Если хочешь, я сама схожу и все ему объясню.

— Нет-нет, это было бы недостойно с моей стороны! — горячо запротестовала Аня. — Я сама во всем виновата и не хочу, чтобы вы понесли наказание вместо меня. Я пойду сама, и пойду сейчас же. Чем скорее покончить с этим делом, тем лучше, потому что это будет ужасно унижительно!

Бедная Аня взяла шляпу и свои двадцать долларов и, уже направляясь к выходу, бросила случайный взгляд в открытую дверь буфетной. На столике стоял ореховый торт, который она испекла в то утро, — необыкновенно аппетитный, покрытый розовой глазурью и украшенный грецкими орехами. Он предназначался для собрания, которое должно было состояться в пятницу вечером в Зеленых Мезонинах и на котором предстояло учредить Общество Друзей Авонлеи. Но что такое собрание молодежи, если сравнивать его с визитом в дом праведно негодующего мистера Харрисона? Аня подумала, что такой торт способен смягчить сердце любого мужчины, а тем более такого, которому приходится готовить самому. Она быстро упаковала торт в коробку: она отнесет его мистеру Харрисону в качестве оливковой ветви[2].

"Разумеется, если он вообще даст мне сказать хоть слово, — подумала она уныло, когда перелезла через изгородь и зашагала кратчайшим путем через поле, золотившееся в отблесках сонного августовского вечера. — Теперь я знаю, что чувствуют люди, когда их ведут на казнь!"

Глава 3. Мистер Харрисон в своих владениях

Дом мистера Харрисона стоял на опушке густого елового леса и представлял собой старинное выбеленное строение с низкими свесами крыши. На крыльце, в тени вьющегося плюща, сидел, сняв куртку, сам мистер Харрисон и наслаждался своей послеобеденной трубкой. Увидев, кто направляется к нему по тропинке, он резко вскочил, бросился в дом и захлопнул за собой дверь. На самом деле такое поведение было просто следствием удивления, смешанного с изрядной порцией стыда за вчерашнюю вспышку гнева. Но бедную Аню оно почти окончательно лишило последних остатков храбрости.

"Если он так сердит уже сейчас, то что будет, когда он узнает, что я натворила", — подумала несчастная, постучав в дверь.

Но мистер Харрисон открыл и, смущенно улыбаясь, пригласил ее в дом. Тон его был довольно мягким и дружелюбным, хотя и не без нервозности. Он уже был в куртке и без трубки и очень вежливо предложил Ане очень пыльный стул. Встреча прошла бы довольно гладко, если бы не предатель-попугай, таращивший злые золотистые глаза через прутья своей клетки. Не успела Аня сесть, как Джинджер воскликнул:

— Разрази меня гром! Зачем сюда идет эта рыжая свиристелка?!

Трудно сказать, кто покраснел сильнее — мистер Харрисон или Аня.

— Не обращайтесь внимания на этого попугая, — сказал мистер Харрисон, бросая на Джинджера свирепый взгляд. — Он... он всегда болтает чепуху. Мне подарил его мой брат, который служил матросом. Матросы, как известно, не всегда выражаются самым изысканным языком, а попугаи просто повторяют все, что слышат.

— Да, я знаю, — отозвалась бедная Аня, помня о цели своего визита и стараясь подавить обиду. В сложившихся обстоятельствах она не могла позволить себе осадить мистера Харрисона. Если вы только что, экспромтом, продали чужую корову, не спросив разрешения ее хозяина и даже не поставив его в известность об этом заранее, вы не имеете права выражать негодование, если его попугай повторяет относящиеся к вам нелестные замечания. Тем не менее "рыжая свиристелка" уже не была такой кроткой и смиренной, какой она была несколько минут назад.

— Мистер Харрисон, я пришла, чтобы признаться вам в своей вине, — начала она решительно. — Это... это насчет... джерсейской телки.

— Разрази меня гром! — воскликнул мистер Харрисон с беспокойством. — Она опять забралась в мой овес? Но, не беда... не беда, если и так. Неважно... Ничего... Я... я просто погорячился вчера, это факт. Ничего, ничего, если она и забралась.

— Ох, если бы только это, — вздохнула Аня. — Но все в сто раз хуже... Я не...

— Разрази меня гром! Ты хочешь сказать, что она влезла в мою пшеницу?

— Нет, нет... не в пшеницу... Но...

— Так значит, в капусту! Она влезла в капусту, которую я растил для выставки, да?

— Нет. Не в капусту, мистер Харрисон. Я все вам расскажу... для этого я и пришла, но, прошу вас, не прерывайте меня. Это меня ужасно нервирует. Позвольте мне рассказать всю историю и, пока я не кончу, не говорите ничего.

"А потом вы, без сомнения, скажете многое", — закончила Аня уже мысленно.

— Все. Молчу, — заверил мистер Харрисон и сдержал слово. Но Джинджер, не связанный никаким обещанием, продолжал время от времени выкрикивать: "Рыжая свиристелка!", чем доводил Аню почти до бешенства.

— Вчера я заперла мою джерсейскую телку в загоне, где мы доим коров. Сегодня с утра я ездил в Кармоди и на обратном пути увидела в ваших овсах... джерсейскую телку. Мы с

Дианой выгнали ее оттуда, но вы и представить себе не можете, как нелегко нам пришлось. Я была мокрая насквозь, измученная и злая... И в эту самую минуту появился мистер Ширер и предложил купить у меня эту телку. И я тут же на месте продала ему ее за двадцать долларов. Конечно, я поступила нехорошо. Мне следовало подождать и посоветоваться с Мариллой. Но я ужасно склонна делать все, не подумав, — любой, кто меня знает, может это подтвердить. Мистер Ширер сразу забрал телку и отправил ее вместе с остальным скотом в город с вечерним поездом.

— Рыжая свиристелка! — произнес Джинджер тоном глубочайшего презрения.

В этот момент мистер Харрисон поднялся и с выражением, которое могло бы вселить ужас в любую птицу, кроме попугая, вынес клетку с Джинджером в соседнюю комнату и, возвратясь, плотно закрыл за собой дверь. Джинджер визжал, ругался и во всем остальном вел себя в соответствии со своей репутацией, но, оставшись в одиночестве, погрузился в мрачное молчание.

— Извини меня. Продолжай, продолжай, — сказал мистер Харрисон, снова опускаясь на стул. — Мой брат не научил эту птицу хорошим манерам.

— Я пришла домой и после чая заглянула в загон. Мистер Харрисон, — Аня склонилась вперед и сложила руки в своем давнем детском жесте, а ее большие серые глаза умоляюще смотрели в смущенное лицо мистера Харрисона, — я нашла мою корову в загоне. Я продала мистеру Ширеру вашу корову!

— Разрази меня гром! — воскликнул мистер Харрисон, изумленный столь неожиданной развязкой. — Поразительный случай!

— О, тут нет ничего необычного. Я постоянно попадаю в переделки сама и впутываю в них других, — сказала Аня печально. — Я этим славлюсь. Вы, наверное, скажете, что в моем возрасте — в марте мне будет семнадцать — пора бы уже отвыкнуть от этого... Но, похоже, у меня это еще не прошло. Мистер Харрисон, могу ли я надеяться, что вы простите меня? Боюсь, что получить назад вашу корову уже невозможно — слишком поздно. Но вот деньги, которые я получила за нее. Или вы можете взять мою корову взамен, если хотите. Долли очень хорошая корова... Я не могу выразить, как мне неприятно, что все так получилось.

— Ну, ну, — сказал мистер Харрисон быстро, — ни слова больше об этом, мисс. Все это неважно... абсолютно неважно. Всякое бывает. Я и сам порой бываю опрометчив... слишком, слишком опрометчив. Но я не могу не говорить то, что думаю, и люди должны принимать меня таким, какой я есть. Если бы эта корова побывала в моей капусте... но, к счастью, этого не случилось, так что все в порядке. Я думаю, что мне лучше взять вашу корову, раз вы все равно хотите от нее избавиться.

— О, спасибо, мистер Харрисон! Я так рада, что вы не сердитесь!

— Да, думаю, ты до смерти боялась прийти сюда и рассказать мне обо всем, после того как я вчера наделал столько шума, а? Но не держи на меня зла! Просто такой уж я откровенный и прямой старик, и в этом-то все дело... Всегда режу правду-матку, как бы она ни была горька!

— Совсем как миссис Линд, — вырвалось у Ани, прежде чем она успела подумать.

— Кто? Миссис Линд? Не говори мне, будто я похож на эту старую сплетницу! — возмущенно воскликнул мистер Харрисон. — Совсем я на нее не похож... ничуть. А что это у тебя за коробка?

— Торт, — сказала Аня чуть лукаво. Неожиданная любезность и дружелюбие мистера Харрисона принесли ей такое облегчение, что настроение ее взлетело словно перышко. — Я принесла его вам... Я подумала, что, возможно, у вас не очень часто бывает торт.

— Нечасто. Это факт. А я их ужасно люблю. Премного обязан. Снаружи выглядит неплохо. Надеюсь, внутри окажется не хуже.

— О, можете быть уверены, — сказала Аня весело. — В свое время я действительно пекла пироги, которые были хороши только снаружи, о чем вам могла бы рассказать миссис Аллан, но за этот торт я ручаюсь. Я приготовила его для Общества Друзей Авонлеи, но я легко могу испечь для них другой.

— Вот что, милая, тебе придется помочь мне его съесть. Сейчас поставлю чайник, выпьем чайку. Идет?

— Может быть, вы позволите мне заварить чай? — спросила Аня нерешительно.

Мистер Харрисон хохотнул:

— Вижу, что ты не очень уверена в моем умении заваривать чай. Напрасно. Я могу заварить такой чаек, какого ты в жизни не пила! Но, впрочем, если хочешь, действуй сама. К счастью, в прошлое воскресенье шел дождь, так что в доме полно чистой посуды.

Аня живо вскочила и принялась за дело. Прежде чем заварить чай, она несколько раз ополоснула заварной чайник. Затем она накрыла на стол, принесла посуду из буфетной, состояние которой привело ее в ужас, но она осмотрительно воздержалась от замечаний. Мистер Харрисон сказал ей, где найти хлеб, масло и банку персикового варенья. Аня украсила стол букетом цветов из сада и старалась не замечать пятен на скатерти. И скоро Аня уже сидела напротив мистера Харрисона за его собственным столом, наливая ему чай и свободно болтала с ним о своих планах, о школе, о друзьях... Она едва могла поверить, что все это ей не снится.

Мистер Харрисон снова принес в комнату Джинджера, уверяя, что бедная птица очень страдает в одиночестве, и Аня, чувствуя, что может теперь простить что угодно и кому угодно, предложила попугаю грецкий орех. Но чувства Джинджера были глубоко задеты, и он отверг все ее попытки завязать дружеские отношения. Он угрюмо сидел на своей жердочке и продолжал встопорщивать перья, пока не сделался похож на огромный золотисто-зеленый шар.

— Почему вы назвали его Джинджером? — спросила Аня, любившая имена и названия, полные глубокого смысла. Ей казалось, что имя Джинджер совершенно не подходит к такому пышному оперению[3].

— Брат дал ему это имя. Вероятно, из-за характера попугая... Должен признаться, что мне очень дорога эта птица... Ты бы даже удивилась, если бы знала, насколько я к ней привязан. Конечно, у Джинджера есть определённые недостатки. Он дорого обошелся мне в некоторых отношениях. Некоторых людей возмущает его привычка ругаться, но его от этого

не отучить. Я пытался... и другие пытались. Многие относятся к попугаям с предубеждением. Глупо, правда? Я их люблю. Джинджер заменяет мне общество. И ничто не заставит меня отказаться от этой птицы... ничто на свете, мисс!

Мистер Харрисон бросил эту последнюю фразу так многозначительно, словно подозревал Аню в тайных замыслах убедить его расстаться с попугаем. Ане, впрочем, уже начинал нравиться этот странный, беспокойный, вспыльчивый и откровенный человек, и не успели они допить чай, как уже стали добрыми друзьями. Мистер Харрисон узнал о предстоящем создании Общества Друзей Авонлеи и был склонен одобрить эту идею.

— Правильно. Давайте. Здесь явно многое нуждается в исправлении, в этом поселке... да и в самих людях тоже.

— О, не думаю, — вспыхнула Аня. Разумеется, себе самой или своим близким друзьям она могла признаться, что можно найти в Авонлее и ее обитателях некоторые небольшие несовершенства, легко, впрочем, устранимые. Но услышать такое из уст практически постороннего человека, каким являлся мистер Харрисон, было совсем другое дело. — Я считаю, что Авонлея — замечательное место и люди здесь очень хорошие.

— Нрав у тебя горячий, как я вижу, — заметил мистер Харрисон, обозревая пылающие щеки и негодующие глаза своей гостьи. — Это, впрочем, сочетается с такими волосами, как у тебя... Авонлея — вполне приличное место, иначе бы я тут не поселился. Но надеюсь, даже ты признаешь, что и она обладает некоторыми недостатками?

— Я люблю ее за это еще больше, — сказала верная Аня. — Я не люблю места или людей без недостатков. Я думаю, что идеальная личность была бы на редкость неинтересной. Миссис Уайт говорит, что никогда не встречала идеальной личности, но довольно много слышала об одной... о первой жене своего мужа. Вам не кажется, что, должно быть, очень неудобно быть замужем за человеком, чья первая жена была идеальной во всех отношениях?

— Еще неудобнее быть мужем такой идеальной жены! — провозгласил мистер Харрисон с неожиданной и необъяснимой горячностью.

После чая Аня настояла на том, чтобы мистер Харрисон позволил ей вымыть посуду, хотя он уверял ее, что чистой посуды в доме хватит еще на несколько недель. Ей также очень хотелось подмести пол, но поблизости не было видно никакого веника, а спрашивать, где он, не хотелось из опасений, что такового вообще нет в доме.

— Может, забежишь иногда поболтать со мной? — предложил мистер Харрисон, когда она уходила. — Тут недалеко, и мы должны жить как добрые соседи. Мне будет интересно послушать о вашем обществе. Я думаю, это будет забавно. За кого вы возьметесь первым делом?

— Мы не собираемся браться за людей — мы намерены взяться за благоустройство самой деревни, — заявила Аня с достоинством, так как подозревала, что мистер Харрисон собирается и впредь подшучивать над ее проектами.

Когда она ушла, мистер Харрисон проводил ее долгим взглядом... Гибкая девичья фигурка бесечно бежала через поля в последних отблесках заката.

— Я сварливый, раздражительный, одинокий старик, — сказал мистер Харрисон вслух, — но почему-то в обществе этой девочки я опять чувствую себя молодым... и это такое приятное чувство, что я хотел бы, чтобы можно было иногда испытать его снова.

— Рыжая свиристелка, — проворчал Джинджер издевательски.

Мистер Харрисон погрозил ему кулаком.

— Ты, мерзкая птица, — пробормотал он, — жалею, что не свернул тебе шею, когда брат прислал тебя в мой дом. Неужели ты никогда не перестанешь причинять мне неприятности?

Аня прибежала домой совершенно счастливая и с радостью поведала о своих приключениях Марилле, которая уже начинала тревожиться из-за ее долгого отсутствия и собиралась отправиться на поиски.

— Какой это все-таки чудесный мир, Марилла! — заключила Аня весело. — Миссис Линд жаловалась на днях, что он никуда не годится. Она сказала, что если ждешь чего-то приятного, то наверняка столкнешься с большим или меньшим разочарованием и что действительность никогда не соответствует нашим ожиданиям. Может быть, это и правда, но есть в этом и хорошая сторона. Плохое тоже не всегда соответствует ожиданиям и почти всегда кончается гораздо лучше, чем мы думали. Сегодня, когда я отправилась к мистеру Харрисону, я боялась, что меня ждет ужасно неприятная сцена, но вместо этого он оказался так мил, что я, можно сказать, приятно провела время. Я думаю, мы с ним станем настоящими друзьями, если постараемся быть снисходительны друг к другу. Ах, все кончилось как нельзя лучше! Но все равно, Марилла, я, разумеется, никогда больше не продам ни одной коровы, не выяснив, кому она принадлежит... А попугаев я терпеть не могу!

Глава 4. Расхождения во мнениях

Тихим ясным вечером, на закате, в том месте, где просека, известная под названием Березовой Дорожки, подходит к большой дороге, стояли возле изгороди в тени чуть покачивающихся еловых ветвей Джейн Эндрюс, Гилберт Блайт и Аня Ширли. Аня провожала Джейн, заходившую к ней в гости, а у изгороди они встретили Гилберта, и теперь втроем беседовали о судьбоносном завтрашнем дне, ибо день этот был первым днем сентября и в школах начинались занятия. Джейн предстояло отправиться в Ньюбридж, а Гилберту — в Уайт Сендс.

— У вас обоих положение гораздо лучше, чем у меня, — вздохнула Аня. — Вы будете учить детей, которые вас не знают, а мне придется иметь дело с теми, кто прежде ходил в школу вместе со мной. Миссис Линд опасается, что они не станут относиться ко мне с тем уважением, с каким отнеслись бы к чужому человеку, если только я не буду очень суровой с самого начала. Но я не верю, что учитель должен быть суровым. Ах, какая это огромная ответственность!

— Я уверена, что все мы отлично справимся, — постаралась успокоить ее Джейн, которую не тревожили никакие высокие стремления и мысли о "благотворном влиянии". Она была

намерена честно зарабатывать свое жалованье, снискать расположение попечительского совета и в конце года получить похвальный отзыв школьного инспектора. Иных честолюбивых надежд она не питала. — Главное — поддерживать дисциплину, а этого не добиться без некоторой суровости. Если мои ученики не будут меня слушаться, я буду их наказывать.

— Как?

— Буду их бить, разумеется.

— О, Джейн, ты не будешь их бить! — воскликнула Аня возмущенно. — Джейн, ты не сможешь!

— И смогу, и буду, если они этого заслужат, — сказала Джейн решительно.

— Я никогда не смогла бы ударить ребенка, — столь же решительно сказала Аня. — Я совершенно не верю в необходимость телесных наказаний. Хотя мисс Стейси никогда никого из нас и пальцем не тронула, порядок был идеальный, а мистер Филлипс всегда бил нас, но никакого порядка не было и в помине. Нет, если я не смогу обойтись без палочной дисциплины, я не буду пытаться работать в школе. Есть более действенные методы. Я постараюсь завоевать любовь моих учеников, и тогда они будут охотно меня слушаться.

— Ну, а предположим, что не будут? — спросила практичная Джейн.

— В любом случае — бить я их не буду. Я уверена, что это не приносит пользы. О, Джейн, дорогая, не бей своих учеников, что бы они ни делали.

— А что ты думаешь об этом, Гилберт? — спросила Джейн. — Ты не считаешь, что есть дети, которым время от времени необходима розга?

— Ты не считаешь, что это ужасная жестокость, варварство — бить ребенка... любого ребенка?! — воскликнула Аня с пылающими от волнения щеками.

— Конечно, — сказал Гилберт медленно, разрываясь между собственными убеждениями и желанием соответствовать Аниному идеалу, — тут есть что сказать в пользу каждой из сторон. Я не утверждаю, что детей следует бить часто. Я согласен с тобой, Аня, — существуют, как правило, лучшие подходы, и телесные наказания должны быть последним средством. Но с другой стороны, Джейн правильно говорит, что бывают дети, на которых нельзя воздействовать иначе как розгой. Телесные наказания как последнее средство — таково будет мое правило.

Гилберт, попытавшись угодить обеим сторонам, не сумел — как это обычно бывает и что в высшей степени справедливо — удовлетворить ни одну из них. Джейн покачала головой:

— Я буду бить моих учеников каждый раз, когда они не будут слушаться. Это самый простой и убедительный способ.

Аня бросила на Гилберта взгляд, исполненный разочарования.

— Я никогда не ударю ребенка, — повторила она твердо. — Я уверена, что это неправильно и в этом нет никакой необходимости.

— Но, предположим, какой-нибудь мальчишка надерзит тебе в ответ на твое замечание? — спросила Джейн.

— Я оставлю его после уроков и поговорю с ним мягко, но решительно, — сказала Аня. — В любом человеке есть доброе начало, только нужно уметь его отыскать. И долг учителя найти его и развить. Вспомните, именно это говорил нам профессор Ренни, читавший курс по организации воспитательного процесса. Неужели вы полагаете, будто можно найти лучшее, что есть в ребенке, с помощью порки? "Гораздо важнее оказать благотворное влияние на душу ребенка, чем научить его читать и считать", — говорил профессор.

— Но учти, что школьный инспектор будет проверять именно знания учеников, и он не даст благоприятного отзыва о твоей работе, если эти знания не будут соответствовать требуемому уровню, — возразила Джейн.

— Я хочу, чтобы мои ученики любили меня и спустя много лет вспоминали, что я была им добрым другом и помощником. Для меня это важнее, чем похвальный отзыв инспектора, — заявила Аня категорично.

— Неужели ты никогда не станешь наказывать детей, даже если они этого заслужат? — спросил Гилберт.

— Я думаю, мне придется это делать, хотя и знаю, что мне будет очень неприятно. Но ведь можно оставить ребенка в классе во время перемены, или поставить в угол, или заставить переписывать стихи.

— Надеюсь, ты не будешь в виде наказания сажать девочек за одну парту с мальчиками, — сказала Джейн лукаво.

Гилберт и Аня переглянулись и улыбнулись довольно сконфуженно. Они хорошо помнили, как однажды Аню в наказание посадили рядом с Гилбертом и какими печальными и горькими оказались последствия.

— Время покажет, чей метод лучше, — заметила Джейн философски, когда они расставались.

В Зеленые Мезонины Аня возвращалась по тенистой, шелестящей, пахнущей папоротниками Березовой Дорожке, через Долину Фиалок, мимо Плача Ив, где свет и тьма легко и ласково касались друг друга под густыми елями, а потом по Тропинке Влюбленных... по тем местам, которым еще в детстве они с Дианой дали эти названия. Она шла медленно, наслаждаясь очарованием лесов, полей и звездных летних сумерек, и серьезно размышляла о новых обязанностях, к которым ей предстояло приступить на следующее утро. Войдя во двор Зеленых Мезонинов, она услышала доносившийся из открытого окна кухни голос миссис Линд, рассуждавшей о чем-то в самом решительном тоне.

"Миссис Линд пришла, чтобы помочь мне добрыми советами насчет завтрашнего дня, — подумала Аня, поморщившись, — но я, пожалуй, не зайду в дом. Ее советы совсем как перец: хороши в малых дозах, но обжигают в тех, которые она предлагает. Сбегаю-ка я лучше поболтать с мистером Харрисоном".

Уже не первый раз со времени памятной истории с джерсейской коровой Аня бежала «поболтать» с мистером Харрисоном. Они стали добрыми друзьями, хотя бывали моменты,

когда Аня находила его откровенность, которой он так гордился, довольно докучной. Джинджер по-прежнему смотрел на нее с подозрением и никогда не забывал приветствовать язвительным: "Рыжая свиристелка!" Мистер Харрисон тщетно пытался отучить его от этой привычки тем, что возбужденно вскакивал каждый раз, когда видел приближающуюся Аню, и с жаром восклицал: "Разрази меня гром! Вот опять идет эта милая девочка!" или что-нибудь столь же лестное. Но Джинджер видел все его хитрости насквозь и относился к ним с презрением, так что Аня никогда не узнала, сколько похвал расточал ей мистер Харрисон в ее отсутствие. В лицо он, разумеется, никогда не говорил ей ничего подобного.

— Ты, должно быть, из леса? Ну и как? Запасла розог на завтра? — приветствовал он Аню, когда она поднялась на крыльцо.

— Конечно нет! — сказала Аня раздраженно. Она была отличной мишенью для всяческих поддразниваний, потому что всегда и все принимала всерьез. — В моей школе никогда не будет розги, мистер Харрисон. Конечно, у меня будет указка, но я буду использовать ее исключительно по ее прямому назначению.

— Ага, значит, ты собираешься пороть их ремнем? Пожалуй, ты права. Розга бьет больнее, но след от ремня болит дольше, это факт.

— Я не собираюсь использовать ничего! Я вообще не буду бить моих учеников.

— Разрази меня гром! — воскликнул Харрисон в неподдельном изумлении. — Как же тогда ты собираешься поддерживать порядок?

— Я буду действовать любовью, мистер Харрисон.

— Ничего не выйдет, — заявил мистер Харрисон, — совершенно ничего, Аня. Знаешь пословицу? "Пожалеешь розгу — испортишь ребенка". Когда я ходил в школу, учитель сек меня регулярно каждый день. Он говорил, что если я ничего не натворил, то только потому, что не успел до конца обдумать новую выходку.

— С тех пор когда вы ходили в школу, мистер Харрисон, методы воспитания изменились.

— Но человеческая натура осталась прежней. Помани мое слово: ты никогда не справишься с этой мелюзгой, если не будешь держать розгу наготове. Это невозможно.

— Я собираюсь сначала испробовать свой метод, — сказала Аня, которая обладала сильной волей и была способна упорно держаться своих теорий.

— Очень уж ты упрямая, как я погляжу, — так выразил это мистер Харрисон. — Ладно, ладно, посмотрим. Когда-нибудь тебя разозлят — а люди с такими волосами, как у тебя, ужасно легко впадают в ярость, — и ты забудешь все свои прекраснодушные убеждения и задашь некоторым из них изрядную трепку. Ты слишком молода, чтобы учить в школе... слишком молода и ребячлива.

В тот вечер Аня пошла спать в довольно мрачном расположении духа. Спала она плохо и на следующее утро за завтраком выглядела такой бледной и несчастной, что Марилла встревожилась и заставила ее выпить чашечку обжигающего имбирного чая. Аня послушно выпила его мелкими глотками, хотя и не представляла себе, какую именно пользу может

принести ей имбирный чай. Если бы это был какой-нибудь волшебный напиток, способный прибавить лет и опытности, Аня, не дрогнув, залпом выпила бы целую кварту.

— Марилла, а если у меня ничего не выйдет!

— Едва ли в первый же день станет ясно, что ничего не вышло, а впереди еще много дней, — утешила Марилла. — Твоя беда, Аня, в том, что ты хочешь научить детей всему сразу, исправить все их недостатки в один день и, если не сумеешь сделать этого, будешь думать, что ничего не вышло.

Глава 5. Новоиспеченная учительница

Когда в то утро Аня добралась до школы — впервые в жизни она прошла по Березовой Дорожке, оставшись равнодушной к ее красотам, — все было тихо и спокойно. Ее предшественница требовала, чтобы к началу занятий дети сидели за партами, и когда Аня вошла в класс, ее встретили аккуратные ряды сияющих, как утренняя заря, лиц с яркими любопытными глазами. Она повесила свою шляпу на крючок возле классной доски и окинула взглядом своих учеников, надеясь, что не выглядит такой испуганной и глупой, какой себя чувствовала, и что они не заметят, как она дрожит.

Накануне она просидела почти до полуночи, сочиняя речь, с которой намеревалась обратиться к своим ученикам перед началом занятий. Она несколько раз переделывала ее, тщательно подбирая слова, а затем выучила наизусть. Это была очень хорошая речь, содержащая множество глубоких мыслей, особенно о взаимопомощи учителя и ученика и о горячем стремлении к знаниям. Единственную трудность представляло то, что теперь она не могла вспомнить ни слова из этой речи. Через несколько секунд, показавшихся ей годом, она произнесла слабым голосом:

— Пожалуйста, откройте ваши Библии, — и бездыханная опустилась на стул под прикрытием последовавшего за этим шуршания и хлопанья крышек парт.

Пока дети читали отрывок из Библии, Аня приводила в порядок свои смятенные чувства и оглядывала ряды маленьких пилигримов, направлявшихся в Страну Взрослых.

Большинство из них были ей хорошо знакомы. Ее ровесники закончили школу в прошлом году, но почти все оставшиеся ходили в школу одновременно с ней. Исключение составляли ученики приготовительного класса и около десятка тех, чьи семьи недавно переехали в Авонлею. В глубине души Аня испытывала больше интереса к этим десяти, чем к тем, чьи возможности были уже довольно хорошо ей известны. Конечно, и новички могли оказаться не менее заурядными, чем прочие, но все же среди них мог оказаться гений. Это была такая волнующая мысль.

В одном углу за партой сидел в одиночестве Энтони Пай: со смуглого угрюмого лица на Аню враждебно смотрели черные глаза. Аня сразу же приняла решение завоевать привязанность этого мальчика и тем самым нанести семейству Паев сокрушительное моральное поражение. В противоположном углу рядом с Арти Слоаном сидел другой новичок — веселый на вид мальчуган, веснушчатый, курносый, с большими светло-голубыми глазами в обрамлении белесых ресниц, — вероятно, сын Доннеллов; и если

сходство не обманывало, то через проход от него рядом с Мэри Белл сидела его сестра. Аня на мгновение задумалась, что за мать у этих детей, если она посылает дочку в школу в таком виде. На девочке было выцветшее розовое шелковое платье, украшенное неимоверным количеством нитяных кружев, грязные туфельки из белой кожи и шелковые чулочки. Ее рыжеватые волосы были вымучены в бесчисленные завитушки и неестественные локоны и увенчаны огненно-красным бантом, большим, чем ее голова. Судя по выражению лица, она была очень собой довольна.

Бледное маленькое создание с шелковистыми каштановыми волосами, спускавшимися на плечи мягкими волнами, было, вероятно, Аннетой Белл, чьи родители прежде жили в районе Ньюбриджа, но теперь, по причине перемещения своего дома на пятьдесят ярдов к северу от прежнего места, считались жителями Авонлеи. Три мертвенно-бледные худенькие девочки, втиснувшиеся за одну парту, были, конечно, дочери Коттонов. А маленькая красавица с длинными темными локонами и карими глазами, бросавшая поверх своей Библии кокетливые взоры на Джека Джиллиса, была, без сомнения, Прилли Роджерсон, отец которой недавно женился во второй раз и привез дочку домой из Графтона, где она жила у бабушки. Догадаться, кем была сидевшая на задней парте высокая неуклюжая девочка, которой, казалось, мешали собственные руки и ноги, Ане не удалось, но позднее выяснилось, что зовут ее Барбара Шоу и что она приехала в Авонлею к своей тетке. Ане также предстояло узнать, что, если Барбара когда-нибудь умудрялась пройти по проходу между партами, не споткнувшись ни о свои, ни о чужие ноги, ее одноклассники записывали этот поразительный факт на стене у школьного крыльца, с целью увековечить память о нем.

Но когда Анины глаза встретились с глазами мальчика, сидевшего на первой парте, против ее стола, она ощутила странную легкую дрожь, как будто это и был тот гений, которого она искала. Аня поняла, что это Пол Ирвинг и что миссис Линд была совершенно права, предполагая, что он будет заметно отличаться от авонлейских детей. Но более того, Аня осознала, что он не похож не только на авонлейских, но и на любых других детей и что из синих глаз, смотревших на нее так пристально, стремилась к ней нежная душа, душа сродни ее собственной.

Она знала, что Полу десять лет, но выглядел он не больше чем на восемь. Ей никогда не доводилось видеть более красивого детского лица: необыкновенно тонкие и выразительные черты, в обрамлении каштановых кудрей. У него были прелестные полные темно-красные губы, которые мягко касались друг друга и, чуть изгибаясь, кончались тонкими уголками, почти исчезающими в глубоких ямочках. Выражение лица было спокойное, серьезное, задумчивое, словно дух этого ребенка был гораздо старше тела. Но когда Аня легко улыбнулась ему, это выражение растворилось в неожиданной ответной улыбке, в которой, казалось, просияло все его существо. И самым чудесным было то, что улыбка эта возникла невольно, без какого-либо умысла или даже намерения, но просто как отражение души, необычной, утонченной, прекрасной. Этот мимолетный обмен улыбками навсегда сделал Аню и Пола верными друзьями, прежде чем они успели сказать друг другу хоть слово.

День прошел как во сне. Впоследствии Аня никогда не могла его ясно вспомнить. Ей казалось, что это не она, а кто-то совсем другой вел уроки, слушал устные ответы, проверял примеры, давал письменные задания. Дети вели себя довольно хорошо; имели место

только два нарушения дисциплины. Морли Эндрюс был уличен в том, что развлекался во время урока, пуская по проходу между партами пару сверчков на нитке. Аня поставила его на час возле классной доски и — что Морли пережил гораздо болезненнее — конфисковала сверчков. Она посадила их в коробку и на пути домой выпустила в Долине Фиалок, но Морли был абсолютно уверен, и тогда и впоследствии, что она унесла их домой для собственного развлечения.

Другим преступником оказался Энтони Пай, который вылил остатки воды из бутылки для мытья грифельной дощечки за шиворот Орилии Клэй. Аня задержала его в классе во время перерыва и побеседовала с ним о том, какого рода поведение ожидается от джентльменов, заверив его при этом, что они никогда не льют воду за шиворот дамам. Она добавила, что хочет, чтобы все ее ученики были джентльменами. Наставления были очень мягкими и трогательными, но, к несчастью, Энтони остался к ним совершенно равнодушен. Он выслушал ее молча, все с тем же угрюмым выражением, а выходя из класса, презрительно засвистел. Аня вздохнула, но затем утешилась мыслью о том, что завоевание привязанности одного из Паев, подобно строительству Рима, не может быть делом одного дня. В сущности, оставалось под вопросом, способен ли вообще кто-либо из Паев на привязанность, но Аня надеялась, что с Энтони дело будет обстоять лучше. Ей казалось, что он был бы довольно милым мальчиком, если бы не его неизменная угрюмость.

Когда занятия кончились и дети разошлись по домам, обессиленная Аня упала на стул. Голова болела, и она чувствовала себя удрученной и обескураженной. Настоящих причин для разочарования не было, так как ничего особенно страшного не произошло, но в эту минуту Аня была очень утомлена и склонна верить, что никогда не полюбит работу в школе. А как это ужасно — делать то, что тебе неприятно, изо дня в день в течение... ну, скажем, сорока лет. Аня раздумывала: расплакаться ли ей сразу же на месте или подождать, пока она окажется в безопасности в своей белой комнатке в Зеленых Мезонинах. Прежде чем она решила этот вопрос, на крыльце послышался стук каблучков и шелест шелка, и перед Аней предстала дама, чей вид напомнил ей недавно услышанное критическое замечание мистера Харрисона в адрес одной разряженной особы женского пола, которую он видел в одном из магазинов Шарлоттауна: "Она выглядела так, будто картинка из журнала мод лоб в лоб столкнулась с ночным кошмаром".

На новоприбывшей было бледно-голубое шелковое платье, с буфами, сборками и оборками на всех тех местах, где только можно было поместить буф, сборку или оборку. Голова ее была увенчана огромной белой шляпой из шифона, украшенной тремя длинными, но довольно потрепанными страусовыми перьями. Вуаль из розового газа, обильно усыпанная внушительных размеров черными точками, спускалась со шляпы ей на плечи и развевалась за спиной, словно вымпелы. На ней было столько украшений, сколько могло поместиться на одной маленькой женщине, и сопровождал ее сильный запах духов.

— Я миссис Доннэлл... миссис Доннэлл, — произнесло это видение. — И я пришла поговорить с вами о том, что рассказала мне Кларисса-Эльмира по возвращении из школы. Мне это было чрезвычайно неприятно.

— Мне очень жаль, — пробормотала Аня, тщетно пытаясь припомнить какое-либо происшествие, связанное с детьми Доннеллов.

— Кларисса-Эльмира сказала мне, что вы произносите нашу фамилию Д^оннелл. Так вот, мисс Ширли, правильное произношение нашей фамилии — Донн^елл, ударение на последнем слоге. Я надеюсь, вы запомните это на будущее.

— Я постараюсь, — еле выговорила Аня, подавляя отчаянное желание расхохотаться. — Я знаю по собственному опыту, что это очень неприятно, когда твое имя произносят неправильно.

— Конечно, очень неприятно. Кларисса-Эльмира также сообщила мне, что вы называете моего сына Джекобом.

— Но он сам сказал мне, что его так зовут, — возразила Аня.

— Я этого ожидала, — произнесла миссис Доннелл тоном, подразумевавшим, что нельзя ожидать благодарности от детей в наш развращенный век. — У этого мальчика такие плебейские вкусы. Когда он родился, я хотела назвать его Сен-Клэр. Это так аристократично, не правда ли? Но мой муж настоял на том, чтобы назвать его Джекобом, в честь дяди. Я уступила, потому что дядя Джекоб был богатый старый холостяк. И что вы думаете, мисс Ширли? Когда нашему невинному мальчику было пять лет, дядя Джекоб вдруг взял да и женился! И теперь у него три своих собственных мальчика! Вам когда-нибудь приходилось слышать о подобной неблагодарности? В ту минуту, когда мы получили от него приглашение на свадьбу — у него еще хватило наглости послать нам приглашение, — я твердо сказала: "Больше никаких Джекобов в нашем доме, благодарю покорно". С того дня я называю моего сына Сен-Клэр, и я решительно настроена, чтобы именно так его называли. Правда, мой муж упорно продолжает называть его Джекобом, и сам мальчик отдает совершенно необъяснимое предпочтение этому вульгарному имени. Но он — Сен-Клэр, и Сен-Клэр он останется. Будьте добры, не забывают об этом, хорошо? Благодарю вас. Я сразу сказала Клариссе-Эльмире, что это всего лишь недоразумение и все будет легко уладить. Итак: Донн^елл — ударение на второй слог, и Сен-Клэр — нив коем случае не Джекоб. Вы не забудете? Благодарю вас.

Когда миссис Доннелл удалилась, Аня закрыла школу на ключ и пошла домой. На Березовой Дорожке у подножия холма она встретила Пола Ирвинга. Он протянул ей букетик нежных лесных цветов, которые дети в Авонлее называли "рисовыми лилиями".

— Пожалуйста, возьмите. Я собрал их в роще мистера Райта, — сказал он застенчиво, — и вернулся, чтобы подарить вам, потому что мне показалось, что вам они понравятся, и потому, — он поднял на нее большие красивые глаза, — что вы нравитесь мне.

— Спасибо, милый мальчик, — ответила Аня, взяв душистый букет. Усталость и разочарование исчезли, и надежда фонтаном забила в сердце, как будто слова Пола были волшебным заклинанием. Она шла по Березовой Дорожке легкой походкой, сопровождаемая словно благословением чудесным запахом своего букета.

— Ну, как дела? — поинтересовалась Марилла.

— Спросите об этом через месяц, тогда я, быть может, сумею ответить. А сейчас не могу... сама не знаю... Мои мысли кажутся мне такими густыми и мутными, как будто кто-то долго помешивал их ложкой. Единственное, в чем я уверена, — это то, что сегодня я научила

Клиффи Райта, что А — это А. Он никогда прежде об этом не слышал. А это уже кое-что — помочь юной душе сделать первый шаг на пути, в конце которого Мильтон и Шекспир.

А потом пришла миссис Линд с еще более ободряющими известиями. Эта добрая женщина подстерегла у своих ворот всех ребятишек, возвращавшихся из школы, чтобы выяснить, понравилась ли им новая учительница.

— И все сказали, что ты им очень, очень понравилась... Все, кроме Энтони Пая. Я вынуждена признать, что он был другого мнения. Он заявил: "Ничего хорошего, такая же, как все эти девчонки-учительши". Это закваска Паев! Но ничего, не огорчайся.

— Я и не собираюсь огорчаться, — сказала Аня тихо, — но все же хочу ему понравиться. Терпением и добротой я смогу завоевать его привязанность.

— Хм, ни за одного из Паев нельзя поручиться, — заметила миссис Линд осторожно. — Они совсем как сны — часто сбываются наоборот... А что до этой Дóннелл — никаких Доннеллов она от меня не дождется, будьте уверены! — так фамилия ее Дóннелл, и всегда такой была. Это просто сумасшедшая какая-то, скажу я вам! Держит в доме мопса, зовет его Принцем и сажает за стол со всей семьей. Даже подает ему еду на фарфоровой тарелке. Я на ее месте боялась бы гнева Божьего! Томас говорит, что сам Доннелл — разумный, работающий человек. Но не проявил он смекалки, когда выбирал себе жену, вот что я вам скажу.

Глава 6. Самые разные соседи и соседки

Сентябрьский день на холмах острова Принца Эдуарда. Свежий ветер дует с моря через песчаные дюны. Длинная красная дорога вьется среди лесов и полей. Она то огибает участок, густо поросший елями, то тянется через рощу молодых кленов, все пространство под которыми покрыто большими пушистыми папоротниками; то ныряет в долину, где веселый ручей неожиданно выскакивает из леса и, сделав поворот, опять прячется среди деревьев; то греется в лучах солнца на открытых полянах между полосами золотарника и дымчато-голубых колокольчиков. Воздух дрожит от стрекота мириад сверчков, этих веселых маленьких летних обитателей холмов. Холеный гнедой пони спокойной трусцой бежит по дороге. В кабриолете — две девочки, в которых бьет ключом бесценная простая радость юности и жизни.

— Ах, этот день пришел к нам прямо из рая, правда, Диана? — И Аня, совершенно счастливая, вздохнула. — В этом воздухе такая чудесная, волшебная сила! Только взгляни на этот роскошный пурпур в чаше долины... О, как пахнет сосновой смолой! Это оттуда, с той маленькой солнечной полянки, где мистер Эбен Райт спилил сосны. Счастье жить в такой день, но запах спиленных сосен — райское блаженство. Это на две трети — Вордсворт[4] и на одну треть — Аня Ширли. Не может быть, чтобы в раю были спиленные сосны, ведь там нет смерти, правда? И все-таки мне кажется, что рай был бы несовершенен, если бы там нельзя было порой вдохнуть этот волшебный запах. Возможно, там будет подобный запах, но без умирания. Да, я уверена, так оно и будет. Ведь восхитительный аромат — душа сосен, а в небесах живут лишь души.

— У деревьев нет душ, — возразила Диана, — но запах действительно замечательный. Я хочу сшить подушку и набить ее хвоей. Ты тоже могла бы сшить себе такую.

— Сошью обязательно... и буду класть ее под голову, если прилягу вздремнуть днем. И тогда во сне увижу себя лесной нимфой. Но в эту минуту я вполне довольна тем, что я — Аня Ширли, учительница из Авонлеи, и еду по такой чудесной дороге в такой приятный день.

— Да, день-то приятный, но задачу нашу никак не назовешь приятной, — вздохнула Диана.
— И зачем ты, Аня, вызвалась собирать пожертвования именно на этой дороге? Здесь живут почти все авонлейские скряги, и вероятно, на нас будут смотреть как на нищих, просящих подаяния. Это самая плохая дорога из всех.

— Именно поэтому я ее выбрала. Конечно, Гилберт и Фред занялись бы этой дорогой, если бы мы их попросили. Но, понимаешь, Диана, я чувствую, что ответственность за Общество Друзей Авонлеи лежит именно на мне, потому что я первая предложила учредить его. И поэтому мне кажется, что я должна брать на себя самую неприятную часть работы. Жаль, что тебе приходится страдать вместе со мной, но ты можешь не говорить ни слова в домах этих скупцов. Я сама буду говорить... Миссис Линд вставила бы тут, что уж этого-то умения мне не занимать... Миссис Линд еще не решила, одобрить наше начинание или нет. Она не прочь отнестись к нему благосклонно, когда вспоминает, что нас поддержали мистер и миссис Аллан. Но тот факт, что идея создания таких обществ возникла в Штатах, говорит, по ее мнению, не в нашу пользу. Так что она остается в нерешительности, и только успех может оправдать нас в ее глазах... Присилла собирается написать доклад для следующего заседания нашего общества, и я уверена, что он окажется удачным, ведь ее тетя такая талантливая писательница, и этот дар у них наверняка наследственный. Ах, никогда не забуду, какая дрожь пронзила меня, когда я впервые услышала, что Шарлотта Морган — тетя Присиллы. Мне казалось просто чудом, что я дружу с девочкой, тетя которой написала "На опушке леса" и "Розовый сад"!

— А где живет миссис Морган?

— В Торонто. Следующим летом она собирается посетить наш остров, и Присилла постарается устроить нам встречу с ней. Даже не верится в такое чудо! Но очень приятно помечтать об этом, когда ложишься спать.

Создание Общества Друзей Авонлеи стало свершившимся фактом. Гилберт Блайт был избран его председателем, Фред Райт — заместителем председателя, Аня Ширли — секретарем, а Диана Барри — казначеем. «Улучшателям», как их быстро окрестили в Авонлее, предстояло раз в две недели собираться в доме кого-либо из членов общества. Они отдавали себе отчет в том, что до начала зимы остается не так уж много времени и в этом году им не удастся добиться значительных перемен к лучшему. Но они собирались составить план предстоящей летней кампании, внести и обсудить новые предложения, подготовить и прочесть доклады и, как выражалась Аня, "начать формировать гражданское сознание населения".

Были, конечно, и голоса неодобрения, и — что задевало Друзей Авонлеи гораздо сильнее — изрядное количество насмешек. Так, мистер Илайша Райт заявил, что наиболее подходящим названием для их общества было бы Клуб Любителей Флирта. Миссис Слоан утверждала, будто слышала, что «улучшатели» намерены вспахать обочины всех дорог и

засадить их геранью. Мистер Леви Бултер предупреждал своих соседей, что «улучшатели» потребуют от каждого снести его дом и выстроить новый в соответствии с планами, одобренными их обществом. Мистер Джеймс Спенсер просил не отказать ему в любезности и сделать более пологим холм, на котором стоит церковь. Эбен Райт сказал Ане, что очень хотел бы, чтобы «улучшателям» удалось заставить Джоша Слоана подравнять его бакенбарды. Мистер Лоренс Белл объявил, что побелит свои амбары, если «улучшатели» будут на этом настаивать, но вешать кружевные занавески в окнах своего коровника не намерен ни при каких обстоятельствах. Мистер Мейджер Спенсер спросил Клифтона Слоана, одного из «улучшателей», который возил молоко на сыроварню в Кармоди, правда ли, что к следующему лету все молочные ведра должны быть расписаны вручную и накрывать их придется вышитыми салфетками.

Несмотря на это, а возможно, именно вследствие этого — ибо такова уж человеческая природа — Общество Друзей Авонлеи решительно взялось за претворение в жизнь того единственного проекта, который представлялось возможным успеть завершить до наступления зимы. Уже на втором собрании общества, состоявшемся в гостиной дома Барри, Оливер Слоан внес предложение начать собирать деньги по подписке на ремонт авонлейского клуба. Джули Белл поддержала его, хотя и с неприятным чувством, что делает нечто не совсем приличествующее даме. Гилберт поставил предложение на голосование, оно прошло единогласно, и Аня торжественно занесла это в свой протокол. Далее необходимо было избрать комитет, и Герти Пай, решительно настроенная не дать Джули Белл стяжать все лавры, смело выдвинула предложение избрать председателем упомянутого комитета мисс Джейн Эндрюс. Это предложение также было должным образом поддержано и проведено через процедуру голосования. Джейн ответила любезностью на любезность, назначив Герти членом комитета наряду с Гилбертом, Аней, Дианой и Фредом Райтом. Затем состоялось закрытое заседание комитета, на котором обязанности были распределены следующим образом: Аня и Диана были назначены собирать пожертвования в домах, расположенных по дороге в Ньюбридж, Гилберт и Фред — по дороге в Уайт Сендс, а Джейн и Герти — по дороге в Кармоди.

— Это потому, — объяснил Гилберт Ане, когда они вместе направлялись домой через Лес Призраков, — что все Паи живут вдоль дороги в Кармоди, а ни один из них не внесет ни цента, если только к ним не обратится кто-нибудь из их родственников.

И в следующую же субботу Аня и Диана двинулись в путь. Они начали с дальнего конца дороги, и первым на их пути оказался дом "девиц Эндрюс".

— Если мы застанем Кэтрин одну, то, может, что-нибудь и получим, — сказала Диана, — но если дома Элиза, то вряд ли.

Элиза была дома и выглядела даже более суровой, чем обычно. Она принадлежала к тем людям, само присутствие которых создает впечатление, что жизнь, вне всякого сомнения, юдоль слез и что улыбка, не говоря уже о смехе, это пустая и поистине предосудительная трата нервной энергии.

"Девушки Эндрюс" были девушками уже более пятидесяти лет, и казалось вполне вероятным, что они останутся девушками до конца своего земного паломничества. Кэтрин, как говорили, еще не совсем потеряла надежду выйти замуж, но Элиза, прирожденная пессимистка, никогда такой надежды и не питала. Они жили в маленьком коричневом домике на

солнечной опушке букового леса Марка Эндрюса. Элиза часто жаловалась, что летом в их доме ужасно жарко, Кэтрин же обычно радовалась, что в нем уютно и тепло зимой.

Когда Аня и Диана вошли в гостиную, Элиза штопала белье. Она занималась этим не потому, что белье нуждалось в штопке, но в знак протеста против легкомысленных кружев, которые вязала крючком Кэтрин. Девочки приступили к изложению цели своего визита. Элиза слушала их нахмурясь, а Кэтрин — с улыбкой. Разумеется, каждый раз, когда Кэтрин ловила на себе суровый взгляд Элизы, она с виноватым и смущенным видом пыталась подавить улыбку, но уже в следующее мгновение лицо ее снова прояснялось.

— Если бы у меня было столько денег, что я могла бы их транжирить, — сказала Элиза мрачно, — я, возможно, сожгла бы их и насладились этим зрелищем, но на клуб я не дала бы ни цента. От него нашей деревне никакой пользы. Это просто место, где молодежь собирается и флиртует по вечерам, когда всем им давно пора спать.

— Ах, Элиза, но молодежи необходимо какое-то развлечение, — возразила Кэтрин.

— Я не вижу в этом необходимости. Мы не болтались по клубам и прочим подобным местам, когда были молодыми. Этот мир становится все хуже день ото дня.

— А я думаю, он становится лучше, — заявила Кэтрин решительно.

— Ты думаешь! — В голосе мисс Элизы звучало глубочайшее презрение. — То, что ты думаешь, не имеет никакого значения. Факт остается фактом.

— Я предпочитаю видеть хорошую сторону жизни, Элиза.

— У нее нет никакой хорошей стороны.

— Ах, что вы! Конечно есть! — воскликнула Аня, которая не могла молча слушать подобную ересь. — Есть! И даже много хороших сторон, мисс Эндрюс. Этот мир прекрасен!

— Ты не будешь такого высокого мнения о нем, когда поживешь с мое, — возразила мисс Элиза недовольно, — и не будешь с таким энтузиазмом стремиться изменить его к лучшему. Как твоя мама, Диана? Боже мой, как она постарела за последние годы, и вид у нее совершенно измученный... А сколько еще осталось ждать, пока Марилла совсем ослепнет, Аня?

— Доктор думает, что ухудшения не произойдет, если она не будет утомлять глаза, — запинаясь, вымолвила Аня.

— Доктора всегда так говорят, чтобы больной не терял надежды. На ее месте я не очень ободрялась бы. Всегда лучше быть готовым к худшему.

— Но разве не следует нам быть готовым также и к лучшему? — попыталась защититься Аня. — Лучшее ничуть не менее вероятно в жизни, чем худшее.

— Нет, если судить по моему опыту, а у меня его пятьдесят семь лет против твоих шестнадцати, — отпарировала Элиза. — Вы уже уходите, да? Ну, быть может, это ваше новое общество сумеет предотвратить дальнейший упадок Авонлеи, но надежд на это у меня немного.

Аня и Диана с чувством облегчения выбрались из дома "девиц Эндрюс" и покатили по дороге со всей скоростью, на какую был способен откормленный пони. На повороте за буковым лесом они увидели спешащую к ним через пастбище мистера Эндрюса полную женскую фигуру, возбужденно размахивающую руками. Это была Кэтрин, которая так запыхалась, что едва могла говорить. Она сунула в руку Ане несколько монет.

— Это мой вклад в покраску клуба, — задыхаясь, произнесла она. — Я с удовольствием дала бы вам целый доллар, но я не осмелилась взять больше пятидесяти центов из тех денег, что получила за яйца, потому что Элиза заметила бы. Меня очень заинтересовало ваше общество, и я верю, что оно принесет много пользы. Я оптимистка. Мне приходится ею быть, живя рядом с Элизой... Мне надо спешить назад, а то она заметит. Она думает, что я кормлю кур... Желаю вам удачи, и не принимайте близко к сердцу то, что говорит Элиза. Мир меняется к лучшему... Это несомненно.

Следующим на пути девочек был дом Дэниела Блэра.

— Здесь все зависит от того, дома его жена или нет, — сказала Диана, когда кабриолет затрясло на дорожке с глубокими колеями. — Если она дома, мы не получим ни цента. Все говорят, что Дэн Блэр не смеет даже подстричься без ее разрешения. И хорошо известно, что она, мягко выражаясь, очень скупая. Она говорит, что должна быть осмотрительной, прежде чем стать щедрой. Но миссис Линд добавляет, что ее «осмотрительность» тянется так долго, что «щедрость», вероятно, так и не наступит.

В тот вечер Аня так рассказывала Марилле о встрече с мистером Блэром:

— Мы привязали лошадь во дворе и постучали в дверь кухни. Никто не вышел, но дверь была приоткрыта и было слышно, как кто-то без умолку бормочет в кладовой. Мы не могли разобрать слов, но Диана говорит, что, если судить по интонациям, это были ругательства. Трудно в это поверить, ведь мистер Блэр всегда такой тихий и кроткий. Но, вероятно, он был раздражен до крайности, потому что, когда бедняга появился в дверях, он был красный, как свекла, и пот тек у него по лицу ручьями. На нем был один из больших холщовых передников его жены. "Я не могу снять этот дурацкий передник, — сказал он. — Шнурки завязались очень крепким узлом, и мне с ним не справиться, так что прошу меня извинить за такой наряд". Мы попросили его не стесняться, вошли в гостиную и сели. Мистер Блэр тоже сел; он откинул свой передник за спину и закатал его, но выглядел таким смущенным и подавленным, что мне стало его жаль. Диана заметила, что, вероятно, мы пришли не вовремя. "О, нет, ничуть, — сказал мистер Блэр, пытаясь улыбнуться... Вы знаете, Марилла, он всегда такой вежливый. — Я немного занят... Собираюсь печь пирог. Моя жена получила сегодня телеграмму от своей сестры, которая живет в Монреале, с известием, что та приезжает вечерним поездом, и поехала на станцию встречать ее. Мне она отдала распоряжение испечь пирог к чаю. Она оставила рецепт и дала множество устных указаний, но я начисто забыл половину из них. А в рецепте сказано: "Специи по вкусу". Что это значит? А что, если у меня вкус не такой, как у других людей? Столовая ложка ванили — этого достаточно для небольшого слоеного пирога?"

Тут я почувствовала еще большую жалость к этому бедняге. Похоже, он оказался совсем не в своей стихии. Я слышала, что бывают мужья, которых жены держат "под каблуком", и вот один из них был передо мной. У меня чуть не вырвалось: "Мистер Блэр, если вы пожертвуете деньги на покраску клуба, я согласна замесить тесто вместо вас". Но мне сразу

пришло в голову, что это будет не по-соседски — навязывать такую сделку ближнему, оказавшемуся в бедственном положении. Поэтому я предложила замесить тесто, не выдвинув никаких условий. Он даже подпрыгнул от радости. Он сказал, что до женитьбы сам пек себе хлеб, но боится, что пирог — это уже ему не по силам, хотя ему было бы очень неприятно разочаровывать жену. Он дал мне другой передник. Диана сбивала яйца, а я замешивала тесто. Мистер Блэр бегал вокруг, подавая нам все, что было нужно, и совсем забыл о своем переднике, который развевался у него за спиной, словно крылья. Диана сказала потом, что давилась от смеха, глядя на него. Он заверил нас, что испечь пирог сумеет сам, так как не раз делал это прежде. А потом он попросил наш список и подписался на четыре доллара. Так что, видите, мы были вознаграждены. Но даже если бы он не дал ни цента, я всегда чувствовала бы, что мы поступили по-христиански, оказав ему помощь, и мне было бы приятно.

Следующей остановкой на их пути был дом Теодоры Уайт. Ни Аня, ни Диана никогда прежде не бывали здесь, а саму миссис Теодору, которая не славилась гостеприимством, знали только с виду.

Следовало подойти к парадной двери или к задней? Пока они шепотом держали об этом совет, в парадной двери появилась миссис Теодора с пачкой газет в руке. Она неторопливо принялась раскладывать их одну за другой на ступенях крыльца, а затем вдоль всей дорожки до самых ног своих озадаченных посетительниц.

— Пожалуйста, вытрите ноги о траву и пройдите аккуратно по этим газетам, — сказала она с беспокойством в голосе. — Я только что закончила уборку и боюсь, как бы вы не наследили. Дорожка очень грязная после вчерашнего дождя.

— Не смей смеяться, — предупредила Аня шепотом, когда они зашагали по разложенным газетам. — И умоляю тебя, Диана, не смотри на меня, что бы она ни говорила, а то я не сумею сохранить серьезное выражение.

Газеты лежали в передней и в безупречно чистой гостиной. Аня и Диана осторожно присели на ближайшие стулья и объяснили цель своего визита. Миссис Уайт выслушала их вежливо, прервав только дважды: один раз, чтобы выгнать дерзкую муху, и второй, чтобы поднять малюсенькую травинку, которая упала на ковер с Аниного платья. Аня почувствовала, что ужасно виновата перед хозяйкой... Миссис Уайт подписалась на два доллара и сразу вручила им деньги. "Чтобы мы не приходили второй раз", — заметила Диана, когда они вышли из дома. Не успели еще девочки отвязать лошадь, как миссис Уайт собрала все газеты. А выезжая со двора, они увидели, как она, вооружившись шваброй, усердно подметает переднюю.

— Я не раз слышала, что миссис Теодора наиприятнейшая женщина в мире, и теперь охотно этому верю, — заметила Диана, давая волю смеху, как только они отъехали на безопасное расстояние.

— Я рада, что у нее нет детей, — сказала Аня серьезно. — Что это было бы за несчастье для ребенка — жить в таком доме!..

В доме Спенсеров миссис Изабелла испортила им настроение тем, что сказала что-нибудь злое почти о каждом обитателе Авонлеи. Мистер Томас Бултер категорически отказался дать что-либо, потому что, когда клуб строили — а было это лет двадцать назад, — не было

учтено его, мистера Бултера, мнение относительно того, где именно этот клуб следует строить. Миссис Эстер Белл — судя по внешности, воплощение здоровья — полчаса расписывала им в подробностях, где у нее колет, режет и болит, а потом с грустью внесла пятьдесят центов, потому что ее, вероятно, уже не будет здесь будущей осенью — о да, она будет уже в могиле!..

Однако самый плохой прием ждал их у Саймона Флетчера. Въезжая во двор, они заметили два лица, выглянувшие из окна передней. Но хотя они стучали и терпеливо ждали, никто упорно не подходил к двери. Возмущенным и рассерженным девочкам ничего не оставалось, как уехать от этого негостеприимного дома. Даже Аня признала, что мужество начинает покидать ее.

Но потом дела пошли лучше. Следующими на их пути оказались несколько ферм Слоанов, где пожертвования были щедрыми, а прием любезным. С этого момента им сопутствовала удача, и лишь изредка они сталкивались с пренебрежительным к себе отношением. Последней остановкой на их пути был дом Роберта Диксона у моста через пруд, и хотя они были уже почти дома, им пришлось задержаться и выпить чаю, чтобы не задеть чувства миссис Диксон, которая имела репутацию "очень обидчивой". Они еще находились в доме Диксонов, когда туда заглянула старая миссис Уайт, жена Джеймса Уайта.

— Я только что от Лоренса, — объявила она. — В эту минуту он самый счастливый человек в Авонлее. А как же иначе? Жена подарила ему сына! А после семи дочерей — это событие, уверяю вас.

Аня навострила уши, а когда они отъехали от дома Диксонов, сказала:

— Едем прямо к Лоренсу Уайту!

— Но он живет на дороге в Уайт Сендс, и это нам совсем не по пути, — запротестовала Диана. — К нему должны заехать Гилберт и Фред.

— Они поедут собирать пожертвования только в следующую субботу, а тогда будет слишком поздно, — сказала Аня твердо. — Вся прелесть новизны уже пропадет. Лоренс Уайт ужасный скряга, но сейчас он жертвует на что угодно. Мы не можем упустить такой чудесный случай.

Результаты даже превзошли Анины ожидания. Мистер Уайт встретил их во дворе, сияя словно майское солнце. Когда Аня попросила его о пожертвовании, он согласился с энтузиазмом.

— Конечно, конечно. Запишите: даю на доллар больше самого щедрого человека, какого мы встретили сегодня.

— Это значит пять долларов... Мистер Дэниел Блэр внес четыре, — сказала Аня чуть ли не с испугом. Но Лоренс не отступил.

— Пять — значит пять... Вот вам деньги сразу... А теперь позвольте пригласить вас в дом. Там есть кое-что, на что стоит поглядеть... кое-что, что пока видели лишь очень немногие... Зайдите и скажите ваше мнение...

— Что мы скажем, если ребенок неприятный? — шепнула Диана с опаской, когда они последовали в дом за возбужденным Лоренсом.

— О, всегда найдется что-нибудь доброе, что можно сказать о младенце, — заверила Аня.

К счастью, ребенок оказался очень милым, и мистер Уайт почувствовал, что стоило дать пять долларов, чтобы услышать от девочек слова искреннего восхищения пухлым маленьким новым человеком. Это был единственный, первый и последний, случай, когда Лоренс Уайт на что-то жертвовал деньги.

Аня, хоть и очень усталая, предприняла в тот вечер еще одно усилие ради общего блага: сбегала через поле к мистеру Харрисону, чтобы попросить и его внести вклад в покраску клуба. Он жил на дороге в Кармоди, но Джейн и Гerti, которые знали о нем только по ходившим по деревне рассказам, умоляли Аню заменить их.

Мистер Харрисон, как обычно, курил трубку, сидя на крыльце в обществе Джинджера. Он категорически отказался дать хоть цент, и все Анины ухищрения оказались напрасны.

— Но мне казалось, что вы одобряете наше начинание, мистер Харрисон, — сказала она жалобно.

— Одобряю, одобряю... но мое одобрение не заходит настолько далеко, чтобы затронуть мой карман.

"Еще несколько таких испытаний, как сегодняшнее, — и я стану не меньшей пессимисткой, чем мисс Элиза Эндрюс", — сказала Аня своему отражению в зеркале, ложась спать в своей белой комнатке в восточном мезонине.